

КОГДА одни люди хотят что-то отдать бескорыстно, безвозмездно другим — это нормально, это по-человечески. То есть что значит бескорыстно? Конечно, личный интерес есть. Только в данном случае он нормально-человеческий. Отдать дар. Делать любимое дело, вкладывая и выкладываясь. Чего, кажется, проше!

Когда другие люди хотят их поддержать и поддерживают, обладая такими возможностями, — это тоже по-человечески и нормально.

Сказанное относится к клубу творческой молодежи «Ильхом» (что в переводе значит «Вдохновение»), созданному по инициативе ЦК ЛКСМ Узбекистана и творческих союзов республики и ревностно им поддерживаемому. Странным кажется, что такая норма существует не везде. Следовательно, опыту узбекского комсомола следует поучиться.

В рамках клуба «Ильхом» работает ЭСТМ — Экспериментальная студия театральной молодежи. Ее участники — актеры ташкентских театров, получающие зарплату по месту своей основной работы, а здесь играющие «за так», по вдохновению. Но что такое вдохновение, какова его пена на самом деле, знает всякий, с кого сходило семь потов над листом бумаги, листом картона или на самой скромной сцене. Теперь их, актеров, уже около сорока, и они куда не уходят, а начинают с того, что в «Утиной охоте» из десяти первоначальных исполнителей осталось только двое. Человек, вставший у истоков нового дела, объединивший все и всех и также занимающийся этим на общественных началах, — тридцатилетний художественный руководитель студии Марк Вайль.

Мы увидели в Москве три его постановки — «Магомед, Мамед, Мамеше» (по известной повести Чингиза Гусейнова), «Сцены у фонтана» Семена Злотникова и «Мещанскую свадьбу» Вертольта Брехта. Четвертая — дебют режиссеров Валиджана Умарова и Бахадры Назарова, взявших первую пьесу Шарафа Бошбекова «Ежики без колючек».

Что было, на наш взгляд, драгоценного в том показе, который состоялся на Малой сцене Театра имени Моссовета? Незаурядное режиссерское дарование Марка Вайля. Незаурядные актерские таланты Михаила Каминского, Галины Луковниковой, Марии Шамшиной, Махмуда Исмаилова, Хашима Арсланова и многих других. А главное — та атмосфера студийности, вокруг которой столько сломано копий, а она, как деньги или тот же талант: либо есть, либо ее нет, — и когда нет, то скучно и худо, и ничего с этим нельзя поделать, а когда есть, то есть праздник, и актеры, как дети, радуются, во что и как

они играют, а зрители, тоже как дети, радуются тому же. «Мещанская свадьба», маленькая ранняя пьеса Брехта, шла под смех и аплодисменты с начала до конца. До чего же смешно было придумано и исполнено, как каждый раз начинал свои нескончаемые унылые истории Отец невесты (М. Каминский), держа под рукой записную книжку, чтобы время от времени свериться с ней, полагая, что озаряет праздничный стол блестящим остроумием! Как тупо хвалился собственноручно изготов-

меле, Мамеде, Мамеше». Рабочий пареня волей обстоятельств попадает в круговорот идейно-нравственных конфликтов, связанных с жизнью некоего семейного клана, где одни лгут и приспосабливаются для извлечения выгоды, другие являются жертвами этой лжи и приспособленчества. Проблема, которую решает для себя Мамед, элементарна: как быть, как жить? Но и сложнее ее нет ничего на свете. Ведь речь не о бумажных прописях, не о казенно-абстрактных правилах, пусть

сейнова многоветвистая, насыщенная коллизиями. Закопанные перенести на сцену все. Сделали это, увы, с помощью многожды использованного формального приема — представления персонажей через короткие, не связанные между собой фразы-монологи. Но мы еще не включились в происходящее, еще нечему было сопереживать, и оттого никак не налаживался контакт. Столь же формально существовали в спектакле два как бы противоречивых лика Мамеда (в исполнении двух актеров — К. Мирходиева и Б. Нишанова). Драматургическая невыпуклость роли отозвалась иллюстративностью.

Опыт новой пьесы. Злотников — интересный молодой писатель, который уже выпустил несколько «своих» пьес, то есть достаточно серьезно выражающих существо его как драматурга. «Сцены у фонтана» относится к ранним — недопроявленным, по нашему мнению, — произведениям. Эта недопроявленность, мучительная неясность авторской мысли существуют и в спектакле, если говорить о деле с той степенью ответственности, которая не допускает занижения критериев.

В драматургическом материале двойного дебюта — «Ежики без колючек» — немало моментов, уже отраженных в литературе; неоднократно был использован и прием замкнутого пространства при выяснении истины: трое старших школьников и один младший оказываются случайно запертыми в подвальной помешнице, где узнают правду о своих родителях, правду об изнанке действительности. Однако многое искупается искренностью, чистотой мотивов, честным отношением к теме.

Так что же, спрашивается, ставить или не ставить «непроверенную» драматургию?

Ставить. Непременно ставить. Непременно искать свое, неоткрытое. Ибо тот не одерживает настоящей победы, кто не рискует. Чутье к тому подлинно талантливому, правдивому, совестливому, что содержится во всех пьесах репертуара ЭСТМ, смелость в отстаивании своих позиций непременно принесут — и уже приносят — свои художественные плоды. Если бы студия в свое время не «открыла» Злотникова, еще неизвестно, как сложилась бы его судьба. А сейчас одна его пьеса идет на сцене Таганки, другая репетируется в «Современнике». За одно это — наша благодарность ЭСТМ. И сейчас в их планах неизвестные пьесы молодых узбекских авторов Шарафа Бошбекова и Машраба Бабаева, и это прекрасно. Бесспорное далеко не всегда замечательно. Открытием чреват спорное.

Четыре вечера

Есть актеры и актеры, театры и театры. Что заставило этих актеров собраться вместе и создать ЭСТМ?

ленной деревянной мебелью Жених (М. Корыцев) — сам подобие своей мебели. Как претенциозна и глупа во всяком жесте была Подруга невесты (М. Шамшина)...

Сатирическая краска оказалась одной из ярких в палитре театра. Это было тем более привлекательно, что основывалось не на грубом преувеличении, не на расхожей гиперболе, а на социально-психологической точности, с какой воссоздавалось бытовое поведение героев застолья, так похожего на все подобного рода события, если собирается публика, на которой стоит печать обывательского невежества, тупости и стадности. Спектакль ничего не навязывал, нас приглашали к совместному рассматриванию явления. Художественный итог, оценка оставались за нами, хотя, разумеется, нас к ним подвели, ибо позиция театра выражалась недвусмысленно.

Пародийно само «классическое» название следующей пьесы — «Сцены у фонтана». Сюжет, заключающийся в душевных приключениях нескольких персонажей, которых странно соединила ночь в парке у фонтана, повествовал о накали человеческих отношений, поданных с острой насмешкой, но одновременно и с состраданием. Столкновение духовности и бездуховности, будничного добра и зла — ипостасей добра и зла вечного — вот что заявлено в пьесе с тем же точным и жестким реализмом воссоздано в спектакле.

Резко поставлены личные и социальные вопросы в «Маго-

мед, Мамеде, Мамеше». Речь о живой жизни, богатой и на возможность благородства и предательства...

Не будем унижать коллектив студии неправдой. И эта постановка и другие выявили и слабости театра, что, на наш взгляд, прежде всего связано с драматургией.

Хотя — как ни парадоксально это покажется — и достоинства театра в большой степени связаны с драматургией же.

УЖЕ ЯСНО, что репертуар у студии свой, незаемный, не повторяющий афиш других городов, что сегодня редкость на профессиональной сцене. Размышления по этому поводу руководителя студии:

— Если говорить о чисто художественных задачах, то нужно было провести артистов через опыт психологической драмы, что мы попытались сделать в вампиловской «Утиной охоте», через опыт Брехта. Опыт прозы и опыт новой пьесы. Если же попробовать сформулировать существо, то, о чем и как нам хотелось бы разговаривать с нашим зрителем, то это уплотненная, сгущенная до драмы, трагедии или фарса жизнь, которую зритель должен прожить вместе с нами.

К формулам, благим намерениям мы люди привычные и не слишком доверчивые, по-скольку говорить научились все. Нам подавай практику, дело, а мы уж посмотрим.

Хорошо, что посмотрели — до разговора. В разговоре только уточнили позиции.

Вот опыт прозы. Проза Гут,

О. КУЧКИНА.